

А Шан на мгновение замерла, словно не понимая смысла слов Ци Юнь. Её руки инстинктивно потянулись вперёд, но застыли в воздухе.

— А Шан, — тихо рассмеялась Ци Юнь. — Если не начнёшь действовать, я умру.

...

А Шан, будто очнувшись ото сна, наконец взяла кинжал. Но, увидев окровавленную рану, её руки задрожали от страха, и она не знала, как приступить.

— Вонзи его, а затем вытащи. Всё просто, — сказала Ци Юнь.

Тон её голоса не был таким же лёгким, как слова. Очевидно, рана на руке причиняла ей невообразимую боль.

А Шан никогда не сталкивалась с подобным. Но, видя, что человек перед ней вот-вот потеряет сознание, она стиснула зубы, отбросила страх и, стараясь унять дрожь в руках, вонзила кинжал в рану, как велела Ци Юнь.

Раньше она лишь слышала, что когда лезвие рассекает кожу, звук вытекающей крови похож на свист ветра. А Шан не ожидала, что впервые услышит это в подобной ситуации.

По мере того как кинжал погружался глубже, из раны Ци Юнь сочилась тёмная кровь. Брови Ци Юнь слегка дрогнули, но она не издала ни звука. А Шан же чувствовала, что её собственное дыхание вот-вот остановится.

Если бы не Ци Юнь, А Шан, вероятно, никогда в жизни не смогла бы совершить нечто столь «жестокое». С каждым движением лезвия её сердце сжималось всё сильнее. Она боялась, что Ци Юнь потеряет сознание от невыносимой боли. Однако даже когда окровавленный наконечник стрелы был полностью извлечён, Ци Юнь не дрогнула ни единым мускулом.

— Больно?.. — осторожно спросила А Шан.

Ци Юнь слабо улыбнулась бледными губами.

— Ничего.

Наверняка было невыносимо больно. Как это могло быть «ничего»?

Чем легче были слова Ци Юнь, тем глубже хмурился лоб А Шан. У неё не хватало духу взглянуть на рану ещё раз. Они обе были женщинами, а Ци Юнь даже младше её. Пусть она и владела боевыми искусствами, но всё же оставалась человеком из плоти и крови. Как можно было так легко отмахнуться от этой мучительной боли?

Размышляя об этом, А Шан снова взглянула на Ци Юнь. Та по-прежнему лежала с закрытыми глазами. На её изящных, будто нарисованных, бровях сверкали капельки пота, чёрные волосы слегка прилипли к изысканным скулам. При мерцающем свете свечей её острый взгляд был скрыт, и в ней стало меньше привычной резкости. Каждое движение бровей, каждая морщинка придавали ей теперь особую, хрупкую красоту.

Даже в таком измождённом состоянии красавица оставалась красавицей.

А Шан смотрела заворожённо. Хотя Ци Юнь не могла видеть, она не осмеливалась смотреть прямо. Под конец она даже покраснела без всякой причины. Этот румянец был совершенно

неуместен. А Шан опустила глаза — к счастью, Ци Юнь этого не видела.

Ци Юнь сказала, что с ней всё в порядке и зрение вернётся, как только яд выйдет из организма. Услышав это, А Шан наконец облегчённо вздохнула.

А Шан очень хотела спросить, что же произошло и почему они получили такие серьёзные ранения. Но она знала, что у неё нет ни статуса, ни права задавать такие вопросы. Пришлось оставить тревогу при себе. Главное, что сейчас с ними обеими всё в порядке.

— Те наряды, что я тебе подарила, — тебе понравились? — Ци Юнь откинула край юбки и села прямо, собираясь начать медитацию.

А Шан, конечно, они очень понравились. Она влюбилась в них с первого взгляда. Но слова «нравятся» стало невероятно трудно произнести перед Ци Юнь. Она молчала, пока та не рассмеялась:

— Видимо, не понравились.

Только тогда А Шан поспешно, запинаясь, пробормотала:

— Нр... нравятся...

За окном раздался первый летний крик цикады. Его трепещущий звук был похож на биение сердца А Шан в этот момент. Ци Юнь сказала, что с ней всё в порядке, и велела А Шан проверить, как дела у Ю Фэн. А Шан только открыла дверь, чтобы уйти, как столкнулась с врывающейся в комнату Кэ Ли.

— Эй, малышка! Лучше бы о себе позаботилась, прежде чем переживать за других! — Кэ Ли решительно подошла к Ци Юнь.

Та, почувствовав её присутствие, всё же расслабленно улыбнулась:

— Я уже не малышка, почтенная Кэ Ли.

— Для меня ты всегда будешь малышкой! — Кэ Ли явно не была в настроении для шуток. Она схватила раненую руку Ци Юнь с суровым выражением лица. — Ты опять ходила туда?

— Да.

...

А Шан почувствовала, что ей не стоит здесь оставаться, поспешно закрыла дверь и вышла. Сделав пару шагов, она всё же вернулась, не в силах справиться с беспокойством. После недолгой борьбы с собой она тихо приоткрыла дверь, надеясь услышать от Кэ Ли, что с Ци Юнь всё в порядке, и тогда уйти.

— Как дела у Ю Фэн?

Из комнаты донёсся голос Ци Юнь. Она явно больше всего беспокоилась о состоянии Ю Фэн. Кэ Ли, судя по голосу, всё ещё была немного зла, сказав лишь, что Ю Фэн уже вне опасности, поэтому она и пришла проверить саму Ци Юнь.

— Она очень похожа на неё, правда?

— На кого?

— Ты знаешь, о ком я. С тех пор как ты привела ту А Шан, я поняла. Она такая же, как и она тогда. Особенно эти глаза.

...

— Ты всё ещё так одержима? Прошло столько лет, ты...

— Кэ Ли, ты же знаешь меня. Я не такая, как она. Те, кто поступил с ней так тогда, должны заплатить ещё большую цену. И к тому же... это близко. Я почти нашла след.

— Ты что-то нашла?

— Да.

— Но твоё тело уже в таком состоянии. Если продолжишь...

— Мне всё равно, Кэ Ли. Разве ты не хочешь отомстить за неё?

Когда Ци Юнь и Кэ Ли говорили о «ней», их голоса были нежными и осторожными. «Она» словно была совершенным и незабываемым табу в Павильоне Горного Ручья.

Сердце А Шан сжалось. Она смутно догадывалась, что «она» — это прежняя глава Павильона Горного Ручья, та, кого любила Ци Юнь. Кэ Ли сказала, что А Шан похожа на неё. Ци Юнь тоже так думала?

Когда Фуцзюй пришла проведать Ю Фэн, та уже могла сама сесть. На её животе были намотаны марлевые бинты, сквозь которые проступали пятна крови.

Увидев, что Ю Фэн, которая ещё вчера была без сознания, теперь самовольно поднялась, Фуцзюй поспешила остановить её. Рука замерла на полпути, встретив холодный взгляд Ю Фэн. Фуцзюй лишь неловко поправила волосы и сказала:

— Кэ Ли сказала, что ты серьёзно ранена. Тебе нужно больше отдыхать и лежать.

Ю Фэн не ответила, лишь спросила:

— Как дела у главы?

Фуцзюй слегка вздохнула:

— С главой всё в порядке, я только что от неё... — Затем она опустила глаза, делая вид, что беззаботно убирает разбросанные вещи. — Иногда вы двое так похожи. Сами уже ранены, а всё переживаете друг за друга. Я только что пришла к главе, ещё не успела толком встать, как она тут же отправила меня проверить тебя. Прихожу к тебе, а ты первым делом спрашиваешь, как дела у главы. Ну что ж, я пришла навестить, а стала вашим посыльным. Может, я пойду и предложу Кэ Ли поселить вас в одной комнате? Чтобы я не бегала туда-сюда, и чтобы никто меня не раздражал.

...

Фуцью говорила полув шутку, полув укор, ловко убирая лекарства, оставленные Кэ Ли накануне. Видя, что Ю Фэн всё ещё не реагирует, она подняла глаза и, лукаво сверкнув зрачками, спросила с долей озорства:

— Хочешь узнать, что ещё сказала глава?

— Что ещё сказала глава?

Услышав о Ци Юнь, Ю Фэн сразу же отреагировала, даже почтительно добавив к вопросу «глава». Это заставило Фуцью, которая изначально лишь шутила, почувствовать лёгкую досаду. Ю Фэн всегда была такой. Её отношение к людям делилось на два типа: отношение к Ци Юнь и отношение ко всем остальным.

Такое особое отношение, когда тебя выделяют и одаривают исключительной нежностью, трудно не тронуть. Особенно если это исходит от обычно холодной и неприступной Ю Фэн. Фуцью с трудом могла добиться от неё даже улыбки, не говоря уже о праве на ревность. Она понимала это и потому, лишь пожав плечами, продолжила шутить:

— Достопочтенная Ю Фэн действительно всегда слушается главы. Стоит только упомянуть её слова, и ты сразу же реагируешь. Я и Кэ Ли сколько ни уговаривали — ты не слушала. К счастью, глава заранее знала, что ты будешь такой, поэтому специально поручила...

...

— Глава поручила тебе слушаться Кэ Ли и хорошо лечиться. Пока раны не заживут, никуда не ходить.

...

— И ещё специально поручила мне следить за тобой, достопочтенная Ю Фэн, чтобы ты хорошо себя вела.

...

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16235/1458901>